

БАКС

— Мама, он умер!

Где-то в глубине комнаты заныли диванные пружины.

— Вер, час ночи! Сдурела?

— Мам... — настойчиво шептала Вера. — Иди сюда. Бакс не дышит...

Пружины заныли сильнее, торопливое шарканье тапочек, приближаясь, оборвалось на пороге комнаты. Мать выглянула в коридор.

— Бат-тюшки... Подох?!

Мать и дочь напряженно вглядывались в полумрак. Немолодые, в одинаковых ночных сорочках, бледные и растрепанные, они были похожи на мятые придорожные одуванчики. А в конце коридора — у самой двери — на коврик лежала собака. Кудрявый, белый с рыжими подпалинами фокстерьер застыл на боку, глаза собаки были закрыты, грудина не двигалась.

— Бакс, Баксик! — нерешительно позвала Вера. Пес не шевелился.

— Фью, фью... — подалась вперед мать.

— Не свисти, денег не будет...

— Их и так нет.

— Черт! Ничем же не болел! — с горечью воскликнула Вера. Поежилась. Отвернулась и быстро пошла на кухню. — Вечером же гуляли. Шустрый такой был. Чуть мне руку поводком не оторвал...

Мать медленно проследовала за ней.

— Ну, помер, — усевшись за кухонный стол, по-хозяйски поглаживая ладонью клеенку, констатировала она. — Помер. Зато, жрать больше никого не будет.

Вера закурила.

— О покойниках...

— Да, знаю я! — отмахнулась мать. — Но жрал ведь? И меня. И тебя. И Витьку твоего. И соседей. Ему все равно, кого жрать было.

— Эх, Баксик, Баксик...

— Баксик, Баксик... — слегка передразнила мать. — Из-за этого кобеля (в слове «кобель» мать всегда делала ударение на первом слоге), ты всех своих мужиков растеряла. И осталась одна. Никто с таким паразитом жить не смог.

— Я не одна. Я с тобой.

— А помру, с кем будешь?

— Помнишь, как мы его щенком принесли?

— Дуры были. Вот и принесли. Пока маленький-то он еще ничего был. Смешной. А как вырос? Говорила я тебе, отдай ты его к лешему! Сам с вершок, а злости, как у вервольфа какого.

— Вервольфа, — шмыгнула носом Вера. — Не могла я его отдать. Да ты и сама не отдала бы.

— Не отдала бы... — опять передразнила мать. — Вон, у тебя все руки в шрамах. А мужика твоего как отделал? Штаны вместе с кожей, паразит, спустил!

— Пьяных не любил...

— А с соседом что отчебучил?

— За ногу схватил. Так тот же приставал!

— За ногу. За обе!

— Да, помню я!

— Вот тебе всегда твой кобель дороже мужиков был. Потому мужики-то у тебя дольше месяца и не задерживались, — сбегали к чертовой бабушке.

— Плевать мне на мужиков. Не мужики, значит, были, коль с фоксом сладить не могли.

— А ты, я гляжу, могла. Каждую ночь его к двери входной привязывала. Чтобы не куснул ненароком.

— Привязывала. Ради тебя привязывала. А сегодня, кстати, забыла... как почувствовала... Глаза Веры наполнились слезами.

— Не реви! Самой жалко. Хороший был кобель. Охранный. И хитрющий, пройдоха! Помнишь, как он Лешку с лестницы спустил? За то, что в прихожей куртку твою стащить хотел. На память... Думал, Бакс дрыхнет!

— А он все видел...

— Ага! — расплылась в улыбке мать. — Молод-дец!

— Испугалась я тогда. Все, боялась, — шарахнет его Лешка каблуком по ребрам. Убьет ведь.

— Какой там убьет?! — поднялась мать. — Сам так припустил, чуть в окошко с лестничной клетки не вылетел! Ох, Баксик, Баксик... Бывало, как оскалится да зайдет лаем, ни одна сволочь к двери не подходила. Весь подъезд в страхе держал. Всю улицу. Квартал! Теперь кто ж охранять будет?

Вера снова закурила, кинула взгляд в полутемный коридор.

— Что ж ты, Бакс? Как же мы без тебя? Дурной был, но такой... такой дурашка...

— Ох... — эхом отозвалась мать. — Жалко-то как... Нестарый еще животинка-то, хоть и вредный был, но такой... Она посмотрела на дочь.

— А куда трупик-то среди ночи денем? Не в мусорку же...

— Нет. — Вера потушила сигарету. — Надо его похоронить. По-людски.

— Да, дочка, по-людски. Мать снова опустила на табуретку.

— Тогда тащи лопату! На балконе, за мешком картошки стоит.

Вера накинула на плечи кухонное полотенце, вышла, и вскоре вернулась с лопатой и какой-то тряпкой.

— А одеяло-то зачем взяла?

— Завернем. Вместо гробика... холодно там, — она мотнула головой в сторону улицы. — Октябрь...

— Да... октябрь... — выдохнула мать. — Вот так, дочка, все и проходит. Раз, и нет тебя. И никому уже не важно, был ты собака, или человек. Нет тебя, и все тут. Умер вот Бакс. А какой шустрый был! Казалось, всех нас переживет. О-хо-хо-х... Давай, дочка, одеваться. Хоть и не подарком был, а родной. Пять лет бок о бок прожили. Ни один кобелина у нас так долго не задерживался... Пойдем, дочка. Надо одеваться. А там и пса завернем.

Через четверть часа женщины были готовы. Прижимая к груди одеяло, мать решительно двинулась к двери. Вера с лопатой шла следом.

— Ты подходи с морды, а я с хвоста, — командовала мать.

— Мам, не укусит же...

Мать на ходу разворачивала одеяло.

— Знаю, дочка, что не укусит. Сейчас...

— Чего ты?

— Выключатель ищу... Вот он... Нашла.

И тут пес неожиданно поднял голову. Женщины онемели. Разбуженный внезапно включенным светом, он вскочил, понял, что не привязан, но почему-то не рванул вперед, а растерянно сел и уставился на хозяйку. Слегка наклонив голову набок, собака пыталась понять, — куда это они? Одетые... Ночью... С лопатой... Размышления быстро сменились гениальной догадкой: «Гулять!». И пес волчком завертелся на коврике.

А женщин вдруг разобрал гомерический смех. Опустившись на колени, то и дело, утирая мокрые от слез щеки, они смеялись так, как не смеялись уже, бог знает сколько, времени. Смеялись и плакали. Никак не могли остановиться. И наперебой все гладили и гладили юлой вертящуюся кудрявую спину...